
РЕПЕРТУАР СТРАХОВ РОССИЙСКОГО СТУДЕНТА: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ПРОЕКТА*

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья является логическим продолжением социологической разработки проблематики страхов, первые результаты которой были опубликованы в предыдущем номере журнала. Авторы кратко суммируют основные форматы концептуализации и эмпирической интерпретации понятий «ценностные ориентации» и «страхи», детально прописанные ранее, и показывают, как данные понятия могут использоваться в репрезентативных социологических опросах для идентификации смысло-жизненных ценностей и поведенческих паттернов респондентов через коллективные представления о рутинизированных страхах и оптимальных стратегиях преодоления социально и психологически дискомфортных ситуаций. По материалам эмпирического исследования, реализованного методом анкетирования на студенческой выборке в Российском университете дружбы народов, предложен формат операционализации проблематики страхов посредством включения в опросный инструментарий следующих блоков вопросов: о смысложизненных приоритетах студенчества; о репертуаре страхов современного молодого человека; об общем уровне тревожности и стратегиях преодоления дискомфортных состояний и др. (причем распределение ответов на вопросы каждого блока можно рассматривать в свете социально-демографических и иных различий). Результаты исследования, в частности, показали, что у студентов доминирует страх потерять своих близких, обусловленный осознанием внушительного числа социальных угроз как актуальных; что практически каждый второй оценивает свое основное эмоциональное состояние как беспокойное и тревожное, но редко придерживается определенной поведенческой стратегии преодоления дискомфортной ситуации, хотя в случае сильного страха обращается за советом/поддержкой/утешением к ближайшему социальному кругу.

Ключевые слова: ценностные ориентации; страхи; уровень тревожности; студенческая молодежь; эмпирическое исследование; опросный инструментарий; теоретическая, эмпирическая и операциональная интерпретация; стратегии преодоления пугающих/дискомфортных ситуаций.

Ценностная проблематика, несмотря на свою вневременную актуальность, в последние десятилетия обрела особую популярность, причем не только в рамках сугубо социологического дискурса, где фактически стала тематической доминантой массовых опросов и сфокусированных на понимании «форматов» конструирования социальности разных типов полу- и неформализованных интервью, — представители различных областей социогуманитарного знания задаются вопросами о факторах формирования тех или иных ценностных систем в современных обществах, особенно в периоды, когда те переживают значимые социально-экономические или политические трансформации. Принципиальное отличие социологического подхода к анализу ценностной проблематики — поиск оптимальных и корректных методических решений в весьма различающихся по своим задачам массовых репрезентативных опросах, чтобы получить максимально надежные и валидные данные, позволяющие верифицировать и наполнить «реальным» содержанием (зафиксировать доминантные мировоззренческие черты базовых со-

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант №13-03-00362.

циально-демографических групп современного общества) конкретные варианты теоретической интерпретации понятий «ценности», «ценностные ориентации», «социальные установки» и пр.

Благодаря накопленным на сегодняшний день методическим наработкам, обоснованным соответствующими концептуальными определениями и апробированным в полевой работе, любой заинтересованный исследователь, даже не обладая необходимой социологической подготовкой, получает в свое распоряжение фактически готовый к тиражированию инструментарий (в формате готовой анкеты или же компоуя вопросник из размещенных, скажем, на сайтах известных социологических служб, вопросов с вариантами ответами), неоднократно доказавший свою эвристичность и эффективность для соответствующих тематически сфокусированных эмпирических проектов.

Причем предпочитаемые ученым варианты теоретической и эмпирической интерпретации понятий «ценности» и «ценностные ориентации» существенного влияния на результаты эмпирических исследований не оказывают, хотя, безусловно, правильнее рассматривать их не как абсолютно синонимичные концепты, а разводить ценности как более абстрактные, общие понятия, в веберовском смысле «интерес эпохи», в терминологии чикагских социологов — «объективный пласт» культуры, отражающий доминирующую в конкретном обществе в заданном социально-историческом хронотопе идеологическую матрицу, и ценностные ориентации — как реальное воплощение составляющих суть «интереса эпохи» ценностно нагруженных компонентов в поведении, мотивации, целях, ожиданиях и жизненных предпочтениях отдельных индивидов и групп.

Свои концептуальные определения ценностей и ценностных ориентаций предложили многие известные ученые, лишь одно перечисление имен которых заняло бы несколько страниц, поэтому лишь кратко охарактеризуем основные теоретико-интерпретационные контексты социологического «разговора» о ценностях, определяющие логику эмпирического изучения мировоззренческих доминант массового сознания, начиная со второй половины XX в.:

1) многочисленные уточнения ранее разработанных теорий и моделей, осуществляемые не в целях их критики или корректировки, а для валидации эмпирических «замеров» (см., напр., [8]);

2) моделирование и апробация разнообразных вариантов эмпирических «замеров» ценностных ориентаций, в первую очередь в сравнительном (поколенческом, временном, страновом и пр.) контексте (см., напр. [4]), которые обрели к концу XX в. такую популярность, что сегодня можно говорить об институционализации сравнительных исследований ценностных ориентаций как отдельной области социологии (см., напр., [5]). Последняя достаточно отчетливо распадается на три группы — массовые опросы, отдающие приоритет количественному подходу, применение качественных, «мягких» методик социологического поиска на небольших репрезентативных или целевых выборках и вторичный анализ результатов мониторинговых проектов или данных, допускающих, пусть и ограниченный по возможностям экспликация выводов, сопоставительный анализ [2. С. 3].

Однако в этот же период в социологии активизировалась разработка не только ценностной, но и так называемой «катастрофической»/«кризисной» проблематики, а потому можно уверенно говорить и об институционализации социальных страхов как полноправного предмета социологического анализа, получившего внятную структурную и факторную эмпирическую интерпретацию. Тем не менее, две эти предметные области современной социологии редко взаимоувязываются в эмпирических исследованиях, несмотря на то что представители самых разных дисциплинарных областей социогуманитарного знания вполне консолидировано признают, что сегодня все мы живем в «обществе риска», которое формирует устойчивое катастрофическое массовое сознание, и большая часть страхов, испытываемых современным человеком, социально детерминирована [1], — значимые различия в эмпирических данных прослеживаются только в масштабах и разнообразии репертуара страхов и в степени проявленности каждого отдельного или различных видов страхов у разных социальных групп, что зависит от объективных социально-экономических и политических условий жизни общества и от преобладающей в нем системы ценностей и нормативной регуляции поведения.

Конечно, проблематика страхов более междисциплинарна, чем ценностная, и социологический контекст здесь вычленишь сложнее, потому что феномен страха получил свое внятное определение в онтологическом, аксиологическом, гносеологическом контекстах в рамках иных дисциплинарных полей существенно раньше (см., напр. [7]).

Тем не менее, длительная история концептуальной проработки и апробации различных методик «измерения» страха не снизила его неоднозначности и дискуссионности — исследователи все еще не достигли консенсуса в трактовках механизмов, которые порождают разные типы страхов, различающихся также и по степени своей проявленности, в понимании способов реализации страхов, соотношения позитивного и отрицательного, реального, потенциального и воображаемого, личного и ситуативного в продуцировании страхов, биологических и культурно детерминированных активаторов страха, в выборе оснований для типологизации страхов.

Впрочем, все сказанное не отменяет необходимости эмпирического изучения страхов (ставших в современном обществе массовыми, тотальными, повсеместными, рутинизированными и постоянными [1]) как проявления и результата состояния общества и трансформаций социальных систем как ключевого индикатора и детерминанты ценностных ориентаций.

Важно подчеркнуть два принципиальных момента в эмпирической работе социологов с понятием страхов как значимых «маркеров» ценностных доминант массового сознания: во-первых, далеко не всегда и далеко не все страхи должны быть для этого актуализированными — средства массовой информации постоянно «обогащают» нас знаниями о репертуаре, вариативности, степени опасности, масштабах распространения и уровне «нормальности» разнообразных рисков и страхов, с большинством из которых мы никогда не встретимся воочию (лично или в своем ближнем социальном круге); во-вторых, социологи давно отказались от рассмотрения страхов как исключительно детерминанты деструктивных форм поведения (агрессии, насилия, дезадаптации и пр.) на микро- и макроуровне, стремясь вза-

мен (1) представить репертуар страхов, характерных для конкретного общества в целом и/или для отдельных его социально-демографических групп; (2) оценить силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха (например, безработицы или смерти); (3) смоделировать доминантный модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу (хотя в целом россияне «мало интересуются событиями во внешнем мире, а новые угрозы и надежды для себя находят внутри страны, а не за рубежом» [6]).

Таким образом, схематично обозначенные теоретико-методологические основания социологического анализа ценностных ориентаций сквозь призму страхов и опасений позволили нам разработать инструментарий «измерения» мировоззренческих доминант российской студенческой молодежи как особой социально-демографической группы, исходя из следующей условной типологии страхов, сконструированной по результатам вторичного анализа данных социологических исследований, в той или иной степени фокусирующихся на проблематике страхов: опасения экономической дезадаптации (падения уровня жизни, безработицы, неспособности в будущем должным образом обеспечить себя и семью и т.д.); страх определенных социальных субъектов, которые могут представлять угрозу физическому существованию человека (преступности, экстремистов, террористов, хулиганов и т.д.); страхи, связанные с опасностями ухудшения здоровья вследствие вредных привычек (курения, алкоголизма, наркотизма) и неизлечимых/трудноизлечимых болезней (СПИДа, рака и т.д.); опасения не достичь желаемых целей (определенного уровня образования) или не избежать нежелательных состояний (службы в армии); страх перед ситуациями, неподконтрольными человеку (экологические катастрофы, мировая война и т.д.).

Сконструированный нами опросный инструментарий был призван решить следующие исследовательские задачи: выявить смысложизненные приоритеты студенческой молодежи (базовые ценности и трактовки жизненного успеха); определить ключевые страхи современного студента (в сфере трудоустройства, материального достатка, личной жизни, здоровья, учебы, а также фобии); оценить общий уровень тревожности студенческой молодежи; выявить предпочитаемые респондентами стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и обозначить основные факторы, обуславливающие состояние тревоги (например, источники информации об угрозах).

В июне 2013 г., исходя из обозначенных выше форматов концептуализации, типологизации и эмпирической интерпретации страхов, на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов было реализовано анкетирование на репрезентативной (по критериям факультета и курса обучения) выборке студентов (опрошено 509 человек).

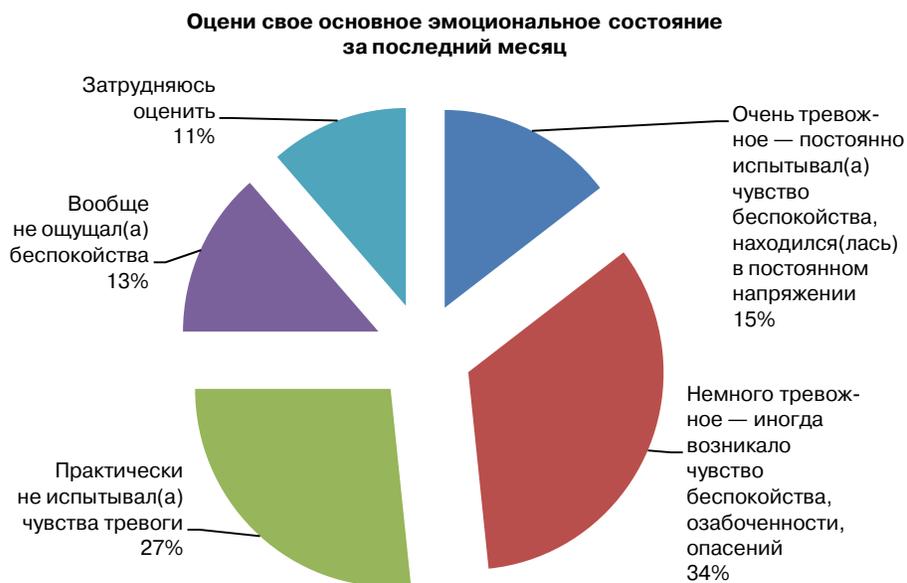
Поскольку в полевом этапе исследования принимали участие студенты-социологи третьего курса факультета гуманитарных и социальных наук, было решено снизить чувствительность и «пафосность» опроса про надежды и страхи современного студенчества, используя в анкете обращение к респондентам на «ты». Ниже представлены результаты анкетирования (их последовательность в основном отражает тематическое структурирование анкеты): мы прекрасно осознаем, что пока они носят описательный характер, однако сложность и относительная новизна

предметного поля пока не дают нам оснований и возможности для иных форматов аналитической отчетности.

Итак, распределение ответов на первый вопрос анкеты «Каждый человек сталкивается в жизни с ситуациями, в которых испытывает страх или другие неприятные эмоции. Случается ли с тобой что-то подобное в следующих случаях...» показало, что среди студентов преобладающими можно считать одновременно социально-психологические и иррациональные страхи, хотя доля выбравших каждый из них невелика (скажем, каждый третий боится насекомых, большой высоты и публичных выступлений, каждый пятый — темных помещений, некоторых животных и замкнутого пространства).

В целом студенты не склонны демонстрировать устойчивые поведенческие паттерны в преодолении подобных дискомфортных для них состояний (здесь и далее сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать одновременно несколько вариантов ответа): треть (35%) вообще не может спрогнозировать свое поведение, утверждая, что оно зависит от конкретных обстоятельств; треть сохраняет самообладание или же перебарывает страх/негатив (по 30%), каждый четвертый «молча терпит, пока все это закончится» (23%).

Более удручающими выглядят оценки студентами своего основного эмоционального состояния за последний месяц (рис. 1): если сложить доли постоянно испытывающих чувство беспокойства и напряжения (15%) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34%), то мы получим половину выборки.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц»

Амбивалентность и одновременно «нормальность» молодежного самосознания проявляется в том, что одновременно 50% указали, что за последние несколько месяцев им случалось радоваться своим успехам, а 47% — что испытывали уста-

лость и безразличие (табл. 1). Блок позитивных эмоций представлен более консолидировано (вариации значений от 21% до 32%), тогда как негативные эмоции демонстрируют больший разброс, и зависть в этом списке явный аутсайдер.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Случалось ли тебе за последние несколько месяцев:»

Варианты ответов	Условный позитив	Условный негатив
Радоваться своим успехам	49,5%	—
Чувствовать, что тебе все удается	32,2%	—
Чувствовать себя свободным	29,5%	—
Испытывать абсолютное счастье	28,3%	—
Ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8%	—
Ощущать усталость, безразличие	—	46,6%
Чувствовать обиду	—	29,5%
Ощущать озлобленность, агрессивность	—	26,7%
Чувствовать одиночество	—	24,6%
Ощущать растерянность	—	22,6%
Испытывать страх	—	17,5%
Чувствовать отчаяние	—	14,5%
Испытывать зависть	—	7,9%

Причем «контекст» опроса, несомненно, оказал влияние на сферу проявления негативных переживаний: каждый второй респондент утверждает, что таковые за последние несколько месяцев у него были в основном связаны с учебой, примерно у каждого третьего — со всем остальным, т.е. с семьей, друзьями, работой и здоровьем (следует учитывать, что в вопросе использовался набор дихотомических шкал). Но если студенты испытывают сильный страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким людям (46%) или друзьям (44%), фактически каждый пятый «ждет, когда само пройдет» (22%).

В данном тематическом блоке был также задан вопрос «Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?»: лидерами студенческого рейтинга стали, с одной стороны, болезни, контролировать или предупредить которые крайне сложно (ВИЧ/СПИД — 78% и онкологические заболевания — 62%; сердечнососудистые заболевания, которые являются основной причиной смертности в России, набрали только 15%, что, видимо, свидетельствует о недостаточной артикулированности данной проблемы в медийном дискурсе, в отличие от предыдущих двух), с другой стороны — наркотическая зависимость (57%), которую вряд ли можно считать заболеванием в полном смысле этого слова (до сих пор ведутся дискуссии, является ли наркотическая зависимость болезнью или «вредной привычкой») (табл. 2). Впрочем, риск заболеть болезнью из представленного в вопросе списка респонденты оценивают как относительно невысокий (примерно в 20% в случае онкологии, 14% — ВИЧ/СПИДа, 10% — наркотической зависимости).

Лидерами по риску заболеть оказались сердечнососудистые заболевания (23%), что, видимо, говорит об осведомленности молодежи о масштабах распространения данной группы болезней в российском обществе, и табачная зависимость (21%) — здесь, скорее, срабатывает эффект нормализации (курение не воспринимается как болезнь, тем более опасная, — скорее как привычка, и не очень вредная на фоне прочих).

Распределение ответов на вопрос: Какие заболевания (в широком смысле этого слова) ты считаешь самыми страшными?

Варианты ответов	Всего
ВИЧ/СПИД	77,6%
Онкологические заболевания	61,9%
Наркотическая зависимость	57%
Нарушение репродуктивных способностей (невозможность иметь детей)	33,9%
Венерические заболевания	28%
Алкоголизм	27,8%
Сердечнососудистые заболевания	15,4%
Пандемии и массовые эпидемии (например, свиной грипп)	14,3%
Табачная зависимость (человек не может отказаться от курения)	10,5%

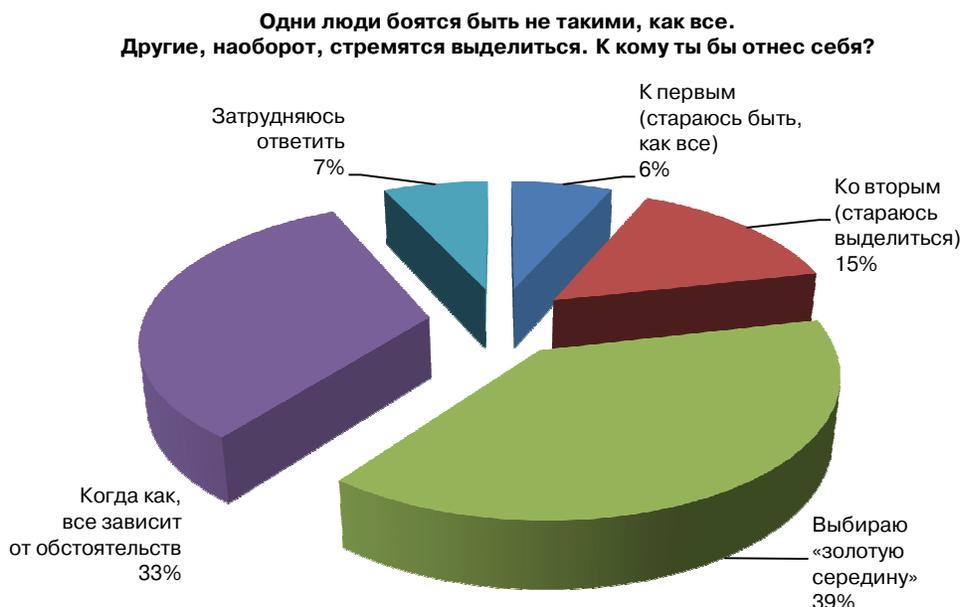
Для снижения «негативности» восприятия опросного инструментария прежде, чем задавать следующие вопросы о страхах и опасениях, в анкету были включены нейтральные (по причине несензитивности и рутинности проблематики) вопросы относительно учебы.

Так, абсолютными лидерами ответов на предложение продолжить фразу «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...» стали: возможность стать квалифицированным специалистом, получить «корочку», необходимую для трудоустройства, и знания, необходимые для жизни, — они набрали по 44% и говорят о весьма прагматичном восприятии молодыми поколениями сути и возможностей высшего образования, хотя ненамного отстает от них вариант «возможность саморазвития и самореализации», т.е. налицо сочетание весьма утилитарных и практических целей получения образования с принципиально важным его потенциалом по удовлетворению высших (по всем иерархическим моделям) потребностей личности.

41% опрошенных уверены, что «учатся нормально, могли бы и лучше, если бы захотели», каждый четвертый «старательно учит только то, что может пригодиться в дальнейшем, и забывает на остальное», 18% утверждают, что учеба в университете складывается у них «здорово — впитывают знания, как губка, и учатся легко», однако 16% учатся скорее «потому что так нужно» — «не испытывают особого интереса к учебе — закончат вуз, потом сориентируются».

Основная сложность для студентов в процессе учебы — все успевать (43%), второй блок по частоте упоминаний составили следующие варианты — досдавать долги (27%), выступать перед аудиторией (отвечать на семинарах, делать доклады и пр.) и писать контрольные работы (аттестации, рефераты, курсовые и пр.) (по 20%), а также получать плохие оценки (15%); лишь каждый десятый считает, что ничего сложного в учебе нет, а потому «учится легко и с удовольствием».

В последнем вопросе в варианте ответа о выступлениях перед аудиторией фактически был заложен переход к следующему тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное «самочувствие» и высказаться о значении для себя публичной сферы жизни. 39% определили себя скорее как социальных конформистов, не забывающих о собственной самореализации, 33% — как ситуационно ориентирующихся в конкретных жизненных реалиях (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Одни люди боятся быть не такими, как все. Другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому ты бы отнес(ла) себя?»

Жизненный успех для студентов — это, прежде всего, семейное благополучие (58%), материальный достаток и богатство (47%), творческая самореализация (44%) и карьерные достижения (35%), т.е. наблюдается достаточно сложный комплекс параметров самооценки респондентами себя как успешных людей.

Уже по распределению ответов на данный вопрос можно прогнозировать достаточно высокий уровень тревожности российского студента — достичь всех четырех элементов успеха в многослойном обществе постмодерна крайне сложно, даже учитывая, что респондентам важно признание и уважение, в первую очередь, семьи, близких и друзей (64%), а собственная самооценка как успешного человека значительно отстает от ближнего круга (15%).

Чтобы достичь успеха, по мнению студентов, человеку, прежде всего, необходимы: трудолюбие (59%), коммуникабельность (52%), целеустремленность (50%), талант, способности и оптимизм (по 41%), честолюбие и амбициозность (35%), умение идти напролом в достижении своей цели (34%), расчетливость (30%) и исполнительность (28%) — список нужных для успеха качеств получился не только внушительным, но и весьма разномастным, т.е. сочетать в себе все эти черты крайне сложно.

Отвечая на вопрос «Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации. На решении каких проблем, наиболее важных и тревожащих именно студенческую молодежь, ты бы сосредоточился?», студенты вполне консолидировано назвали, по сути, объективные факторы, которые мешают им стать успешными с помощью своего трудолюбия, коммуникабельности, целеустремленности, талантов, оптимизма и пр.: отсутствие системы социальных гарантий, а также блат, взяточничество и коррупцию (табл. 3).

Таблица 3

**Представь на минуту, что на один день ты стал президентом Российской Федерации.
На решении каких проблем ты бы сосредоточился?**

Варианты ответов	%
Реформа социальной сферы (человек должен быть уверен, что даже старый или больной он сможет вести достойную полноценную жизнь)	63,1%
Искоренение блата, взяточничества, коррупции	45%
Сокращение бедности	41%
Обеспечение достойного трудоустройства выпускников вузов	33,5%
Реформа правоохранительных органов для обеспечения безопасности граждан	32,7%
Повышение стипендий до уровня прожиточного минимума	26,3%
Обеспечение равных возможностей всех молодых людей в получении высшего образования	20,3%

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкете был задан вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?», распределение ответов на который сложно назвать непредсказуемым, причем варианты, упорядоченные по убыванию набранных долей, сгруппировались в несколько тематических блоков (примем во внимание только варианты, набравшие более 15% — табл. 4): боязнь одиночества (остаться одному — потерять близких, не иметь детей), боязнь заболеть неизлечимой болезнью, боязнь безработицы и, соответственно, бедности или же денежной работы без возможностей самореализации, а также боязнь разочароваться в жизни — в профессии/деле/любимом человеке/учебе.

Таблица 4

Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?

Варианты ответов	%
Потерять близких	57%
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4%
Быть бездетным	31,2%
Оказаться одиноким человеком	30,8%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,4%
Оказаться безработным	24,4%
Бедности	22,8%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	20,8%
Разочарования в выбранном деле/профессии	16,2%
Неудачи в любви	15,6%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	14,6%
Оказаться под следствием/в тюрьме	13,2%
Не выйти замуж/не жениться	11,8%
Умереть	10,8%
Публичного унижения/оскорбления	10,4%
Стать жертвой преступников	9,4%
Внепланово забеременеть	7,2%
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5%
Пойти служить в армию	3,6%
Жизни без компьютера/Интернета	2,6%

В значительной степени объясняет столь явно доминирующий среди студентов страх потерять своих близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?» (табл. 5). В данном случае имеет смысл рассматривать совокупное распределение вариантов «очень боюсь» и «немного боюсь», потому что все перечисленные угрозы не являются рутинно актуальными (вряд ли кто-то из нас в повседневной жизни — сво-

ей или своих близких, знакомых, друзей — а не через средства массовой информации узнавал о таковых), т.е. речь идет об оценке тех или иных угроз как потенциально опасных. Соответственно, 57% опрошенных боятся потерять своих близких именно потому, что оценивают как высоко вероятные в нашей стране террористические угрозы (81%), разгул преступности, коррупции и беззакония (более 70%), последствия мирового экономического кризиса, который существенно повлияет на уровень безработицы, бедности и разгул преступности (70%), политический экстремизм, стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, радиационные, техногенные и экологические катастрофы, ядерную войну (свыше 60%) и т.д.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?»

Варианты ответов	Очень боюсь	Очень боюсь + немного боюсь
Террористических атак в нашей стране	31,9%	81,4%
Разгула преступности в жизни страны	22,1%	73,2%
Столкнуться с коррупцией и беззаконием	13,3%	72,1%
Последствий мирового экономического кризиса (безработицы, падения курса рубля и пр.)	19,6%	69,9%
Политического экстремизма (нападения фашистов, скинхедов, расистов и других националистических группировок)	19,8%	66,8%
Столкнуться со стихийными бедствиями (землетрясение, наводнение и пр.)	22,7%	66,2%
Столкнуться с военными действиями	21,3%	65,6%
Столкнуться с массовой эпидемией	18,4%	64,5%
Химического и радиационного заражения воды, воздуха	22,7%	64,1%
Столкнуться с экологической катастрофой	13,1%	63,5%
Столкнуться с межэтническим конфликтом	11,7%	60,5%
Столкнуться с ядерной войной	27,2%	60,5%
Полной утраты традиций и культуры в жизни страны	18,4%	59,2%
Столкнуться с техногенной катастрофой в жизни страны	15,5%	58%
Вытеснения мигрантами коренного населения	13,5%	54,3%
Столкнуться с гражданской войной	15,5%	54,1%
Столкнуться с революцией/путчем/переворотом	10,8%	51,4%
Столкнуться с безвластием, анархией в жизни страны	12,5%	47,5%
Столкнуться с вторжением инопланетян в нашу страну	6,5%	21,9%

В основном обо всех перечисленных выше угрозах студенты узнают из Интернета (84%), который уже достаточно давно и прочно вошел в число безусловных лидеров молодежного рейтинга источников получения информации и сфер досуговой деятельности, а также из телевизионных передач (54%), т.е. практически все названные в предыдущем вопросе угрозы имеют медийный формат, а не статус реально актуализированных; ближний круг общения здесь играет менее определяющую роль, поскольку различные его «участники» (от родственников и друзей до знакомых сверстников и людей старших поколений) набрали в данном вопросе от 20% до 27% (табл. 6). Лишь каждый пятый респондент (21%) уверенно заявляет, что после просмотра информационных и аналитических сообщений средств массовой информации (телевидения, радио, Интернета) у него никогда не возникает чувства тревоги — каждый десятый испытывает его практически всегда, 70% — иногда.

**Распределение ответов на вопрос:
В основном обо всех перечисленных выше угрозах ты узнаешь**

Варианты ответов	Всего
Из Интернета	84,3%
Из телевизионных передач	54,3%
От родственников, друзей	27%
Из разговоров со своими сверстниками	24,4%
Читая газеты, журналы	22,2%
Из разговоров с людьми старших поколений	19,7%
Из радиопередач	15,2%
От случайных людей (например, в общественных местах)	10,8%

Тем не менее, нельзя утверждать, что при достаточно высоком уровне тревожности и восприятию значительного числа социальных угроз как актуальных респондентов в целом отличает пессимистический и безрадостный настрой.

Как и во многих общероссийских опросах общественного мнения, в самооценках и в восприятии окружающих реалий студенты не склонны высказываться консолидировано — выборка, по сути, распадается на три приблизительно равноценные подсовкупности или же демонстрирует тенденцию к предпочтению «стабильных» вариантов. Так, почти треть опрошенных (31%) затруднилась однозначно оценить наметившиеся векторы изменения жизни в стране за последнее время, однако 35% считают, что она вообще не меняется (все остается по-прежнему), а 26% склонны фиксировать ее изменения в худшую сторону (считает, что она становится все лучше и безопаснее, 8%). Однако с тревогой и неуверенностью в будущее смотрит 16% студентов, 37% скорее с надеждой и оптимизмом, 42% спокойно, но без особых надежд и иллюзий, т.е. говорить о доминирующем среди студенчества трагически-безрадостном настрое сложно.

Это, конечно, можно связать и с юношеским идеализмом, и со свойственной российскому обществу «нормой» конформности (россияне склонны оценивать практически любую ситуацию как скорее нормальную, чем как однозначно хорошую или плохую), однако скорее всего дело в том, что большая часть страхов и опасений личного свойства пока еще не вполне актуальна для молодежи, а социального характера — воспринимается как постоянный, фактически рутинизированный медийный «шум», которого не избежать, что формирует, с одной стороны, определенный «фатализм», с другой — уверенность, что с тобой либо подобного не случится, либо если случится, то и обойдется.

Собственно, это подтверждает и самооценка респондентов: треть квалифицирует себя как оптимистов (30%), реалистов (33%) или «ситуационистов» (26% считают, что их самооценка варьирует в зависимости от ситуации), тогда как пессимистами или пофигистами себя назвали по 4% опрошенных.

Испытывают опасения, что могут стать неудачниками, иногда 39% (часто — 4%) — практически столько же категорически исключают для себя эту возможность (41%), причем в целом довольны своей жизнью 64%, недовольны — 8% (29% затруднились высказаться по этому вопросу однозначно).

Вероятно, способствует достаточно позитивному самоощущению и социальному настрою студентов ориентация на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот» и источник поддержки, которая фиксируется как прямо

(респондентам предлагалось проранжировать ряд понятий по степени важности — 74% поставили семью на первое место), так и косвенно в соответствующих вопросах анкеты, что свидетельствует о воспроизводстве у молодых поколений вполне традиционных для российского общества ценностных ориентаций — на родных и близких как основу основ личного мироздания, утрата которой наиболее болезненна и пугающа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [2] *Бокарев В.А.* Трансформация и развитие социально-политических ориентаций учащейся молодежи московского мегаполиса на рубеже XX—XXI вв.: Автореф. дисс. ... д.с.н. — М.: МГПУ, 2009.
- [3] *Горшков М.К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социологические исследования. — 2009. — № 7.
- [4] *Емельяненко Т.В.* Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: методология, методы и математическое моделирование. — 1997. — № 9.
- [5] *Ильясов Ф.Н.* Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. — 2010. — № 9.
- [6] Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром. URL: <http://fom.ru/Mir/10097>
- [7] *Фрейд З.* Истерия и страх / Пер. с нем. А.М. Боковой. — М.: ООО СТД, 2006.
- [8] *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. — Л.: Наука, 1979.

RUSSIAN STUDENTS' MAIN FEARS: THE RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Sociology Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article presents the second part of the sociological study of fears, the first results of which were published in the previous issue of the journal. The authors briefly summarize the major formats of the conceptualization and empirical interpretation of the concepts 'value orientations' and 'fears', described in detail previously, and show how they can be used in representative sociological surveys to identify the fundamental values and behavioral patterns through the respondents' fears and routinized optimal strategies to overcome socially and psychologically uncomfortable situations. On the results of the survey conducted in the Peoples' Friendship University of Russia the authors propose to 'measure' fears by the following sets of questions: students' life priorities; the repertoire of fears of a young person; the general level of anxiety and strategies to overcome uncomfortable situations, etc. (and the distribution of answers to the questions in each set can be analyzed in the light of socio-demographic and other differences). The results of the study, in particular, showed that the students dominant fear is the fear to lose their loved ones due to the impressive number of social risks that are considered as actual threats. Almost every second

respondent evaluates his emotional state as restless and anxious, but seldom follows a specific behavioral strategy to overcome an uncomfortable situation although in the case of a strong fear he would ask his closest people for advice and support.

Key words: value orientations; fears; level of anxiety; student youth; empirical study; questionnaire; theoretical, empirical and operational interpretation; strategies for overcoming frightening/uncomfortable situations.

REFERENCES

- [1] *Beck U.* Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. — M.: Progress-Tradicija, 2000.
- [2] *Bokarev V.A.* Transformacija i razvitie social'no-politicheskikh orientacij uchashejsja molodezhi moskovskogo megapolisa na rubezhe XX—XXI vv.: Avtoref. diss. ... d.s.n. — M.: MGPU, 2009.
- [3] *Gorshkov M.K.* Fobii, ugrozy, strahi: social'no-psihologicheskoe sostojanie rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. — 2009. — № 7.
- [4] *Emel'janenko T.V.* Metody mezhkul'turnyh issledovanij cennostej // Sociolo-gija: metodologija, metody i matematicheskoe modelirovanie. — 1997. — № 9.
- [5] *Il'jasov F.N.* Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve // Sociologiche-skie issledovanija. — 2010. — № 9.
- [6] Prizrachnye ugrozy: rossijanam ne svojstvenen paranoidal'nyj strah pered vneshnim mirom. URL: <http://fom.ru/Mir/10097>
- [7] *Freud S.* Isterija i strah / Per. s nem. A.M. Bokovikova. — M.: OOO STD, 2006.
- [8] *Yadov V.A.* Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti. — L.: Nauka, 1979.